Издательский проект
«Русская перспектива»

И. Н. Данилевский

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

глазами современников и потомков

XII-XIV века

Курс лекций

Москва
Т8
2014

УДК 373.167.1
ББК 63.3(2)
Д18

Данилевский И. Н.

Д18 Древняя Русь глазами современников и потомков. XII–XIV века: курс лекций / И.Н. Данилевский — Подготовка макета Москва: Т8, 2014. — 392 с. — («Русская перспектива»)

ISBN 978-5-519-03224-7

Продолжение курса лекций И. Н. Данилевского «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII)». Охватывает период от распада Киевской Руси до начала возвышения Москвы и Куликовской битвы.

Книга представляет интерес не только для специалистов и студентов-историков, но и для всех интересующихся отечественной историей.

УДК 373.167.1
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-519-03224-7
© И.Н. Данилевский

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

(вместо еще одной вводной лекции)

Завершая предыдущий цикл лекций, я очень коротко остановился на исторических судьбах Древнерусского государства. С одной стороны, это дало нам необходимую перспективу, с другой избавило от подробного анализа той самой событийной истории, которая составляет костяк, практически, любого лекционного курса по отечественной истории, освещающего период так называемой удельной (или, как ее часто у нас называют, феодальной при условии, что мы признаем существование на Руси XIIXIII вв. феодальных отношений) раздробленности. Уход от такого объектного освещения истории нашей страны дает, как мне представляется, ряд некоторых преимуществ.

Нам теперь можно не тратить время на то, чтобы пересказывать невероятное количество фактических сведений, касающихся конкретных деталей *каждой* из выделяемых историками сторон исторического процесса на той или иной территории при учете подвижности ее границ во времени. Как мне представляется, это задача вообще вряд ли выполнимая. Для связного изложения каждой отдельной группы подобных сведений было написано множество монографий и специальных статей. И при этом ни одна из затронутых тем не может считаться закрытой . Дело здесь даже не в том обилии историософских концепций, каждая из которых по-своему освещает исторический процесс. Пожалуй, важнее, что информация, предоставляемая нам источниками, как правило, неоднозначна, противоречива и в подавляющем большинстве случаев вообще не поддается верификации. Причем надежда найти последнее доказательство, которое *окончательно* поставило бы точку в ученых спорах относительно того, скажем, принимало или не принимало участие в каком-либо событии то или иное историческое лицо, о котором, кроме имени, нам, по большому счету, ничего не известно, практически равна нулю.

Так, могут до бесконечности продолжаться споры, Нестор ли написал Повесть временных лет *. Правда (заметим в скобках), наши представления о самой Повести от этого *ничуть* не изменятся, да и сколько-нибудь существенной информации о Несторе, положа руку на сердце, в общем-то, не прибавится. Именно об этой ситуации с отчаянием писал новейший исследователь летописных текстов В. К. Зиборов. Сетуя на сложность своего источника, он отмечал, что заниматься им

> не просто трудно, а чрезвычайно трудно: столь многовариантными и несхожими получаются решения у разных исследователей. Например, некоторые историки считают поход Кия на Царьград действительным фактом, другие же относят его к легендам, а третьи рассматривают его как результат неверного умозаключения одного из летописцев конца XI в. [1].

Естественно, споры относительно историчности (или легендарности) упомянутого события могут продолжаться до бесконечности, если, конечно, не будет обнаружен источник (надежда на что, еще раз подчеркну, *исчезающе* мала), подтверждающий глухое сообщение летописца. Между тем, оно, несомненно, исторично, но не в том смысле, который имеют в виду историки, спорящие, действительно ли Кий был и ходил ли он в Царьград. Оно вполне реально и представляет собой бесспорный ***историографическийфакт*** в качестве сообщения как такового.

Впрочем, проблема эта не нова. С ней столкнулись и не смогли сладить еще первые российские историки. Достаточно вспомнить, как рационалист М. В. Ломоносов вовсе не отказывался от ***совершенно недостоверных*** с позиций здравого смысла , коим якобы руководствовался великий естествоиспытатель, известий источников. Так, сообщение новгородского летописца о том, что Славенов сын Волхв в сей реке превращался в крокодила и пожирал плавающих , М. В. Ломоносов принял, что называется, на веру. Единственно, что он позволил себе в данном случае (заметим: подобный случай не был единственным!), пояснять , будто

> сие разуметь должно, что помянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, или Мутной реке тогда называемой, разбойничал и по свирепству своему от подобия призван плотоядным оным зверем [2].

Не меньше впечатляет и догадка М. М. Щербатова по поводу того же сообщения. Наиболее крупный представитель дворянской историографии II-ой половины XVIII века [3], один из наиболее ярких и талантливых представителей русского дворянства [4] полагал, будто Волхв, грабивший проходящие суда, мог иметь на своем корабле изображение змея, что и породило по тогдашним суевериям столь странный образ у летописца[5].

---

* Далее в цитатах встречается в сокращении ПВЛ.

Конечно, все подобные рациональные объяснения не что иное, как более или менее произвольные построения, основывающиеся на так называемом здравом смысле[6], т.е. на априорных представлениях о том, что может (а чего не может или не должно) быть. Представления же эти не в последнюю очередь определялись теоретическими взглядами и мировоззрением того или иного ученого.

Между тем, на алогичность здравого смысла обращал внимание еще Н. И. Надеждин:

> Если три брата новгородские были, отчего же три брата киевские не были? Если предание о Вадиме храбром миф, почему же не миф щит Олега, прибитый к воротам Константинополя? Внешние критические ручательства одни и те же. Истина и там, и здесь представляется нам в одинаковом баснословном полусвете [7].

Причину Н. И. Надеждин видел в стремлении прагматиков подбирать факты по заранее намеченной ими схеме. Надо

> систему выводить из фактов, считал он. Иначе история наша будет бесконечным шитьем Пенелопы, которое, вечно разделываясь, никогда не доделается [8].

Несмотря на эти предостережения, прозвучавшие чуть ли не два века назад, историки (в подавляющем своем большинстве) предпочитают до сих пор пребывать в *баснословномполусвете* , до хрипоты споря о том, на день раньше или на день позже произошло интересующее нас событие (несмотря на то, что известие о нем дойдет до места назначения все равно не ранее, чем через месяц, и на реальный ход событий никак повлиять не может)ъ...

Несомненно, тем не менее, что такой подход чрезвычайно продуктивен. Именно благодаря ему мы имеем развернутый историографический нарратив, посвященный древней Руси. В значительной степени он не потерял своего значения и по сей день. Однако уже давно ясно, что далеко не все сообщения источников могут непосредственно использоваться в подобных исторических реконструкциях. Причем число таких сообщений в древнерусских источниках достаточно велико.

Как мне представляется, это, в частности, связано с одной очень важной особенностью работы историка. Нам зачастую кажется, что мы изучаем объективную реальность то, что на самом деле происходило в прошлом . Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что на самом деле нас интересует вовсе не собственно *объективная* реальность точнее, не то, что за этими словами представляется обыденному мышлению.

Скажем, вряд ли нас волнует тот факт, что однажды, около 227 000 средних солнечных суток назад, приблизительно на пересечении 54 с.ш. и 38 в.д., на сравнительно небольшом участке земли (ок. 9,5 км^2), ограниченном с двух сторон реками, собралось несколько тысяч представителей биологического вида Homo sapiens, которые в течение

нескольких часов при помощи различных приспособлений уничтожали друг друга. Затем оставшиеся в живых разошлись: одна группа отправилась на юг, а другая на северъ...

Между тем именно это и происходило, *по большому счету*, на самом деле , *объективно* на Куликовом полеъ...

Нет, нас интересует совсем иное. Гораздо важнее, *кем* себя *считали* эти самые представители , *как* они *представляли* свои сообщества, *из-за чего и почему* они пытались истребить друг друга, *как* они *оценивали результаты* происшедшего акта самоуничтожения, и т.п. вопросы. Так что ***нас, скорее, волнует то, что происходило в их головах, а не то, что происходило «на самом деле»***... Впрочем, и это такая же иллюзия...ъ

Так что, видимо, прав был М. Фуко, написавший:

> дискурс а этому не перестает учить нас история это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть [9].

Именно поэтому заявление, что автор намеревается написать историю так, как она происходила в действительности , не более чем искреннее заблуждение того или иного автора либо намеренное введение в заблуждение читателя. Необходимо достаточно строгое разделение наших представлений о том, что и как происходило в прошлом, от того, как все это представлялось современникам. Неосознанная подмена того, что было на самом деле , образами, которые были порождены этим самым что было , а также отождествление современных образов с образами людей прошлого источник химер общественного сознания, основа для пропагандистских трюков самых разных свойств и качеств.

Обращение к проблемам *истории образов и отношений* вместо изучения истории объективной реальности вызывает у множества отечественных историков (прежде всего, историков-русистов) довольно резкое неприятие. Замена объектной истории историей субъектной представляется им (или, лучше сказать, представляется ими) подменой подлинной истории сугубо субъективными вымыслами, не имеющими отношения к науке. Между тем, и это не более чем иллюзия...

Давайте вспомним, что еще К. Маркс писал:

> общество не состоит из индивидов, а выражает *сумму* тех *связей и отношений*, в которых эти индивиды находятся друг к другу [10].

К тому же, оказывается,

> производительные силы выражают *отношение* людей к природе... [11],
> производственные отношения, *совокупностьъ отношений* между людьми в процессе общественного производства... [12], а

> надстройка, понятие.., обозначающее *совокупность* идеологических *отношений*, взглядов и учреждений определенного общества [13].

Приступая к работе еще над курсом лекций по истории древней Руси, я, прежде всего, должен был ответить для себя на вопрос: о чем будет эта книга? О моих представлениях о древней Руси? О том, как сами древнерусские жители представляли себе свою жизнь? Или же, как эту жизнь представлял себе тот или иной историк? И если я изберу последний подход, каким критериям будет подчинена селекция взглядов, нашедших отражение в море исторических (или претендующих на то, чтобы называться историческими) сочинений?

Задавшись такими вопросами, очень скоро убеждаешься, что единственным сколько-нибудь оправданным путем в этих условиях будет простое сопоставление всех трех точек (точнее, групп некоторого множества точек) зрения. Только так можно осознать, чего стуят наши знания о прошлом, получить реальный масштаб приближения современного человека к тому, как это было на самом деле .

Такой подход, кроме всех прочих особенностей, имеет довольно любопытную черту, на которую мне хотелось бы специально обратить внимание читателей. В основе традиционного , нормального исторического построения обязательно лежит информация о событии, совпадающая в двух или нескольких независимых друг от друга источниках. Именно такое совпадение рассматривается обычно как некоторая гарантия (по крайней мере, необходимое основание для признания) достоверности создаваемой историком реконструкции исторической реальности . В нашем же случае в источниках основное внимание будет обращено как раз на **не**совпадающую информацию источников (даже очень близких по тексту, скажем, различных редакций одного и того же летописного рассказа). Объясняется это тем, что именно расхождения, индивидуальные черты повествования (при признании презумпции намеренности изменений, вносимых в текст) есть следствие, отображение специфики восприятия интересующих нас событий ***данным*** автором. В выявлении этого уникального в своем роде взгляда, точки зрения и состоит смысл нашей работы. Именно в этом и есть, как мне представляется, одна из важнейших черт так называемого антропологического подхода в историиъ...

Нельзя не отметить, что некоторые основания пути, который предлагается мною слушателям-читателям, принимают далеко не все специалисты. Речь идет, прежде всего, о том ключе , который, как мне представляется, дает возможность лучше понять древнерусские тексты. Исходной точкой здесь является признание центонного принципа построения древнерусских текстов. В определенной степени это противоречит общепринятой в последние десятилетия теории литературного этикета, освященной авторитетом Д. С. Лихачева. Позволю себе напомнить ее суть:

Взаимоотношения людей между собой и их отношения к

---

* Здесь и далее в цитатах из источников пояснения в квадратных скобках мои; в круглых издателей источника.

Богу подчинялись [при феодализме]* этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека. Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство. <...> Это была одна из основных форм идеологического принуждения в средние века. Этикетность присуща феодализму, ею пронизана жизнь. Искусство подчинено этой форме феодального принуждения. Искусство не только изображает жизнь, но и придает ей этикетные формы. <...> Литературный этикет и выработанные им литературные каноны наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой.

...[При этом] не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор формул, а предмет, о котором идет речь. Именно предмет, о котором идет речь, требует для своего изображения тех или иных трафаретных формул. <...>

Однако литературный этикет не может быть ограничен явлениями словесного выражения. <...> Это [еще и] трафарет ситуации... Словесное выражение этого трафарета может быть различным, точно так же как и различных других трафаретов ситуации в описании...

Дело, следовательно, не только в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к соответствующим ситуациям, но и в том, что самые эти ситуации создаются писателями именно такими, какие необходимы по этикетным требованиям...

<...> Откуда берется этот этикет ситуаций? Здесь предстоит произвести многие разыскания: часть этикетных правил взята из жизненного обихода, из реальной обрядности, часть создалась в литературе. Примеры жизненно-реального этикета многочисленны. Здесь в основном этикет церковный и княжеский (верхов феодального общества). <...>

Следует особо отметить, что взятым из жизни, из реальных обычаев этикетным нормам подчинялось только поведение идеальных героев. Поведение же злодеев, отрицательных действующих лиц этому этикету не подчинялось. Оно подчинялось только этикету ситуации чисто литературному по своему происхождению. <...> Они сравниваются со зверями и, как звери, не подчиняются реальному этикету, однако само сравнение их со зверями литературный канон, это повторяющаяся литературная формула. Здесь литературный этикет целиком рождается в литературе и не заимствуется из реального быта.

Стремлением подчинять изложение этикету, создавать литературные каноны можно объяснить и обычный в средневековой литературе перенос отдельных описаний, речей, формул из одного

произведения в другое. В этих переносах нет сознательного стремления обмануть читателя, выдать за исторический факт то, что на самом деле взято из другого литературного произведения. Дело просто в том, что из произведения в произведение переносилось в первую очередь то, что имело отношение к этикету: речи, которые должны были бы быть произнесены в данной ситуации; поступки, которые должны были бы быть совершены действующими лицами при данных обстоятельствах; авторская интерпретация происходящего, приличествующая случаю, и т.д. Должное и сущее смешиваются. Писатель считает, что этикетом целиком определялось поведение идеального героя, и он воссоздает это поведение по аналогии. <...>

Определяя художественный метод древнерусской литературы, недостаточно сказать, что он клонился к идеализации. <...> Идеализация средневековая в значительной степени подчинена этикету. Этикет в ней становится формой и существом идеализации. Этикет же объясняет заимствования из одного произведения в другое, устойчивость формул и ситуаций, способы образования ...распространенных редакций произведений, отчасти интерпретацию тех фактов, которые легли в основу произведений, и мн. др.

... Средневековый писатель ищет прецедентов в прошлом, озабочен образцами, формулами, аналогиями, подбирает цитаты, подчиняет события, поступки, думы, чувства и речи действующих лиц и свой собственный язык заранее установленному ...чину. <...> Писатель жаждет ввести свое творчество в рамки литературных канонов, стремится писать обо всем ...как подобает, стремится подчинить литературным канонам все то, о чем он пишет, но заимствует эти этикетные нормы из разных областей: из церковных представлений, из представлений дружинника-воина, из представлений придворного, из представлений теолога и т.д. Единства этикета в древней русской литературе нет, как нет и требований единства стиля. Все подчиняется своей точке зрения. <...>

Из чего слагается этот литературный этикет средневекового писателя? Он слагается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный. Все вместе сливается в единую нормативную систему, как бы предустановленную, стоящую над автором и не отличающуюся внутренней целостностью, поскольку она определяется извне предметами изображения, а не внутренними требованиями литературного произведения.

... [Причем] все эти словесные формулы, стилистические особенности, определенные повторяющиеся ситуации и т. д. применяются средневековыми писателями вовсе не механически, а именно там, где они требуются. <...> Повторяющиеся формулы и ситуации вызываются требованиями литературного этикета, но сами по себе еще не являются шаблонами. Перед нами творчество, а не механический подбор трафаретов творчество, в котором писатель стремится выразить свои представления о должном и приличествующем, не столько изобретая новое, сколько комбинируя старое.

... Средневековый читатель, читая произведение, как бы участвует в некоей церемонии, включает себя в эту церемонию, присутствует при известном ...действии, своеобразном ...богослужении. Писатель средневековья не столько изображает жизнь, сколько преображает и ...наряжает ее, делает ее парадной, праздничной. Писатель церемониймейстер. Он пользуется своими формулами как знаками, гербами. Он вывешивает флаги, придает жизни парадные формы, руководит ...приличиями.

... [Однако] это лишь одна сторона литературы. Наряду с ней существует и ей противоположная, как бы некий противовес это стремление к конкретности, к преодолению канонов, к реалистическому изображению действительности. <...> Перед нами своеобразие литературы, а не ее бедность [14].

Хотя Д. С. Лихачев и призывает не смешивать *канон* и *шаблон*, все же сама близость этих понятий несомненна. Если под *каноном* (от греч. καυêυ, буквально: прямая палка, служащая для опоры, измерения, проведения прямой линии) понимают свод положений, имеющих догматический характер; закон; все, что твердо установлено, стало общепринятым, то *шаблоном* принято называть образец; приспособление для проверки правильности формы и размеров готовых изделий; общеизвестный образец и, наконец, штамп, которому слепо подражают. Видимо, Д. С. Лихачев имел в виду именно последнее значение слова *шаблон*, поскольку все прочие значения *канона* и *шаблона* практически совпадают. Да и связь *канона* с догматикой сближает это понятие со стереотипом (в частности, поведения), шаблоном. Наряду с этими словами, знаменитый литературовед использовал иной термин: *этикет*. Само слово *этикет* (как мы помним, от греч. εθοζ обычай) связано с *ритуалом*. Если *этикет* установленный порядок поведения где-либо, то *ритуал* является исторически сложившейся формой сложного символического поведения, это упорядоченная система действий (в том числе речевых), сохраняющаяся в современном обществе главным образом в области церемониальных форм общественного поведения и бытовых отношений (гражданская обрядность, этикет, дипломатический протокол и т.п.). Таким образом, сам термин литературный этикет имеет вполне определенный смысловой